Сашка

Автор:
Михаил Лермонтов

Сашка

Михаил Юрьевич Лермонтов

«Наш век смешон и жалок, – всё пиши

Ему про казни, цепи да изгнанья,

Про темные волнения души,

И только слышишь муки да страданья…»

Михаил Юрьевич Лермонтов

Сашка

нравственная поэма

Глава I

Наш век смешон и жалок, – всё пиши

Ему про казни, цепи да изгнанья,

Про темные волнения души,

И только слышишь муки да страданья.

Такие вещи очень хороши

Тому, кто мало спит, кто думать любит,

Кто дни свои в воспоминаньях губит.

Впадал я прежде в эту слабость сам,

И видел от нее лишь вред глазам;

Но нынче я не тот уж, как бывало, —

Пою, смеюсь. – Герой мой добрый малый.

2

Он был мой друг. С ним я не знал хлопот,

С ним чувствами и деньгами делился;

Он брал на месяц, отдавал чрез год,

Но я за то ни мало не сердился

И поступал не лучше в свой черед;

Печален ли, бывало, тотчас скажет,

Когда же весел, счастлив – глаз не кажет.

Не раз от скуки он свои мечты

Мне поверял и говорил мне ты;

Хвалил во мне, что прочие хвалили,

И был мой вечный визави в кадрили.

3

Он был мой друг. Уж нет таких друзей…

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!

Пусть спит оно в земле чужих полей,

Не тронуто никем, как дружба наша,

В немом кладбище памяти моей.

Ты умер, как и многие, без шума,

Но с твердостью. Таинственная дума

Еще блуждала на челе твоем,

Когда глаза сомкнулись вечным сном;

И то, что ты сказал перед кончиной,

Из слушавших не понял ни единый.

4

И было ль то привет стране родной,

Названье ли оставленного друга,

Или тоска по жизни молодой,

Иль просто крик последнего недуга —

Как разгадать? Что может в час такой

Наполнить сердце, жившее так много

И так недолго с смутною тревогой?

Один лишь друг умел тебя понять

И ныне может, должен рассказать

Твои мечты, дела и приключенья —

Глупцам в забаву, мудрым в поученье.

5

Будь терпелив, читатель милый мой!

Кто б ни был ты: внук Евы иль Адама,

Разумник ли, шалун ли молодой, —

Картина будет; это – только рама!

От правил, утвержденных стариной,

Не отступлю, – я уважаю строго

Всех стариков, а их теперь так много…

Не правда ль, кто не стар в осьмнадцать лет

Тот, верно, не видал людей и свет,

О наслажденьях знает лишь по слухам

И предан был учителям да мукам.

6

Герой наш был москвич, и потому

Я враг Неве и невскому туману.

Там (я весь мир в свидетели возьму)

Веселье вредно русскому карману,

Занятья вредны русскому уму.

Там жизнь грязна, пуста и молчалива,

Как плоский берег Финского залива.

Москва – не то: покуда я живу,

Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.

Там я впервые в дни надежд и счастья

Был болен от любви и любострастья.

7

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,

Как русский, – сильно, пламенно и нежно!

Люблю священный блеск твоих седин

И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Напрасно думал чуждый властелин

С тобой, столетним русским великаном,

Померяться главою и – обманом

Тебя низвергнуть. Тщетно поражал

Тебя пришлец: ты вздрогнул – он упал!

Вселенная замолкла… Величавый,

Один ты жив, наследник нашей славы.

8

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —

Заветное преданье поколений.

Бывало, я у башни угловой

Сижу в тени, и солнца луч осенний

Играет с мохом в трещине сырой,

И из гнезда, прикрытого карнизом,

Касатки вылетают, верхом, низом

Кружатся, вьются, чуждые людей.

И я, так полный волею страстей,

Завидовал их жизни безызвестной,

Как упованье вольной, поднебесной.

9

Я не философ – боже сохрани! —

И не мечтатель. За полетом пташки

Я не гонюсь, хотя в былые дни

Не вовсе чужд был глупой сей замашки.

Ну, муза, – ну, скорее, – разверни

Запачканный листок свой подорожный!..

Не завирайся, – тут зоил безбожный…

Куда теперь нам ехать из Кремля?

Ворот ведь много, велика земля!

Куда? – «На Пресню погоняй, извозчик!» —

«Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчик!»

10

Луна катится в зимних облаках,

Как щит варяжский или сыр голландской.

Сравненье дерзко, но люблю я страх

Все дерзости, по вольности дворянской.

Спокойствия рачитель на часах

У будки пробудился, восклицая:

«Кто едет?» – «Муза!» – «Что за чорт! Какая?»

Ответа нет. Но вот уже пруды…

Белеет мост, по сторонам сады

Под инеем пушистым спят унылы;

Луна сребрит железные перилы.

11

Гуляка праздный, пьяный молодец,

С осанкой важной, в фризовой шинели,

Держась за них, бредет – и вот конец

Перилам. – «Всё направо!» – Заскрипели

Полозья по сугробам, как резец

По мрамору… Лачуги, цепью длинной

Мелькая мимо, кланяются чинно…

Вдали мелькнул знакомый огонек…

«Держи к воротам… Стой, – сугроб глубок!..

Пойдем по снегу, муза, только тише

И платье подними как можно выше».

12

Калитка – скрып… Двор темен. По доскам

Идти неловко… Вот, насилу, сени

И лестница; но снегом по местам

Занесена. Дрожащие ступени

Грозят мгновенно изменить ногам.

Взошли. Толкнули дверь – и свет огарка

Ударил в очи. Толстая кухарка,

Прищурясь, заграждает путь гостям

И вопрошает: «Что угодно вам?»

И, услыхав ответ красноречивый,

Захлопнув дверь, бранится неучтиво…

13

Но, несмотря на это, мы взойдем:

Вы знаете, для музы и поэта,

Как для хромого беса, каждый дом

Имеет вход особый; ни секрета,

Ни запрещенья нет для нас ни в чем…

У столика, в одном углу светлицы,

Сидели две… девицы – не девицы…

Красавицы… названье тут как раз!..

Чем выгодней, узнать прошу я вас

От наших дам, в деревне и столице

Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,

Раскладывая карты, и гадали

О будущем. И ум их видел в нем

Надежды (то, что мы и все видали).

Свеча горела трепетным огнем,

И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный

Вдруг обливал и потолок и стены.

В углу переднем фольга образов

Тогда меняла тысячу цветов,

И верба, наклоненная над ними,

Блистала вдруг листами золотыми.

15

Одна из них (красавиц) не вполне

Была прекрасна, но зато другая…

О, мы таких видали лишь во сне,

И то заснув – о небесах мечтая!

Слегка головку приклонив к стене

И устремив на столик взор прилежный,

Она сидела несколько небрежно.

В ответ на речь подруги иногда

Из уст ее пустое «нет» иль «да»

Едва скользило, если предсказанья

Премудрой карты стоили вниманья.

16

Она была затейливо мила,

Как польская затейливая панна;

Но вместе с этим гордый вид чела

Казался ей приличен. Как Сусанна,

Она б на суд неправедный пошла

С лицом холодным и спокойным взором;

Такая смесь не может быть укором.

В том вы должны поверить мне в кредит,

Тем боле, что отец ее был жид,

А мать (как помню) полька из-под Праги…

И лжи тут нет, как в том, что мы – варяги.

17

Когда Суворов Прагу осаждал,

Ее отец служил у нас шпионом,

И раз, как он украдкою гулял

В мундире польском вдоль по бастионам,

Неловкий выстрел в лоб ему попал.

И многие, вздохнув, сказали: «Жалкой,

Несчастный жид, – он умер не под палкой!»

Его жена пять месяцев спустя

Произвела на божий свет дитя,

Хорошенькую Тирзу. Имя это

Дано по воле одного корнета.

18

Под рубищем простым она росла

В невежестве, как травка полевая

Прохожим не замечена, – ни зла,

Ни гордой добродетели не зная.

Но час настал, – пора любви пришла.

Какой-то смертный ей сказал два слова:

Она в объятья божества земного

Упала; но увы, прошло дней шесть,

Уж полубог успел ей надоесть;

И с этих пор, чтоб избежать ошибки,

Она дарила всем свои улыбки…

19

Мечты любви умчались, как туман.

Свобода стала ей всего дороже.

Обманом сердце платит за обман

(Я так слыхал, и вы слыхали тоже).

В ее лице характер южных стран

Изображался резко. Не наемный

Огонь горел в очах; без цели, томно,

Покрыты светлой влагой, иногда

Они блуждали, как порой звезда

По небесам блуждает, – и, конечно,

Был это знак тоски немой, сердечной.

20

Безвестная печаль сменялась вдруг

Какою-то веселостью недужной…

(Дай бог, чтоб всех томил такой недуг!)

Волной вставала грудь, и пламень южный

В ланитах рделся, белый полукруг

Зубов жемчужных быстро открывался;

Головка поднималась, развивался

Душистый локон, и на лик младой

Катился лоснясь черною струей;

И ножка, разрезвясь, не зная плена,

Бесстыдно обнажалась до колена.

21

Когда шалунья навзничь на кровать,

Шутя, смеясь, роскошно упадала,

Не спорю, мудрено ее понять, —

Она сама себя не понимала, —

Ей было трудно сердцу приказать,

Как баловню ребенку. Надо было

Кому-нибудь с неведомою силой

Явиться и приветливой душой

Его согреть… Явился ли герой,

Или вотще остался ожидаем,

Всё это мы со временем узнаем.

22

Теперь к ее подруге перейдем,

Чтоб выполнить начатую картину.

Они недавно жили тут вдвоем,

Но души их сливались во едину,

И мысли их встречалися во всем.

О, если б знали, сколько в этом званье

Сердец отличных, добрых! Но вниманье

Увлечено блистаньем модных дам.

Вздыхая, мы бежим по их следам…

Увы, друзья, а наведите справки,

Вся прелесть их… в кредит из модной лавки!

23

Она была свежа, бела, кругла,

Как снежный шарик; щеки, грудь и шея,

Когда она смеялась или шла,

Дрожали сладострастно; не краснея,

Она на жертву прихоти несла

Свои красы. Широко и неловко

На ней сидела юбка; но плутовка

Поднять умела грудь, открыть плечо,

Ласкать умела буйно, горячо

И, хитро передразнивая чувства,

Слыла царицей своего искусства…

24

Она звалась Варюшею. Но я

Желал бы ей другое дать названье:

Скажу ль, при этом имени, друзья,

В груди моей шипит воспоминанье,

Как под ногой прижатая змея;

И ползает, как та среди развалин,

По жилам сердца. Я тогда печален,

Сердит, – молчу или браню весь дом,

И рад прибить за слово чубуком.

Итак, для избежанья зла, мы нашу

Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

25

Увы, минувших лет безумный сон

Со смехом повторить не смеет лира!

Живой водой печали окроплен,

Как труп давно застывшего вампира,

Грозя перстом, поднялся молча он,

И мысль к нему прикована… Ужели

В моей груди изгладить не успели

Столь много лет и столько мук иных —

Волшебный стан и пару глаз больших?

(Хоть, признаюсь вам, разбирая строго,

Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких мук

С тех пор отяготело надо мною;

Но первого восторга чудный звук

В груди не умирает, – и порою,

Сквозь облако забот, когда недуг

Мой слабый ум томит неугомонно,

Ее глаза мне светят благосклонно.

Так в час ночной, когда гроза шумит

И бродят облака, – звезда горит

В дали эфирной, не боясь их злости,

И шлет свои лучи на землю в гости.

27

Пред нагоревшей сальною свечой

Красавицы раздумавшись сидели,

И заставлял их вздрагивать порой

Унылый свист играющей метели.

И как и вам, читатель милый мой,

Им стало скучно… Вот, на место знака

Условного, залаяла собака,

И у калитки брякнуло кольцо.

Вот чей-то голос… Идут на крыльцо…

Параша потянулась и зевнула

Так, что едва не бухнулась со стула,

28

А Тирза быстро выбежала вон,

Открылась дверь. В плаще, закидан снегом,

Явился гость… Насмешливый поклон

Отвесил и, как будто долгим бегом

Или волненьем был он утомлен,

Упал на стул… Заботливой рукою

Сняла Параша плащ, потом другою

Стряхнула иней с шелковых кудрей

Пришельца. Видно, нравился он ей…

Всё нравится, что молодо, красиво,

И в чем мы видим прибыль особливо.

29

Он ловок был, со вкусом был одет,

Изящно был причесан и так дале.

На пальцах перстни изливали свет,

И галстук надушен был, как на бале.

Ему едва ли было двадцать лет,

Но бледностью казалися покрыты

Его чело и нежные ланиты, —

Не знаю, мук ли то последних след,

Но мне давно знаком был этот цвет, —

И на устах его, опасней жала

Змеи, насмешка вечная блуждала.

30

Заметно было в нем, что с ранних дней

В кругу хорошем, то есть в модном свете,

Он обжился, что часть своих ночей

Он убивал бесплодно на паркете

И что другую тратил не умней…

В глазах его открытых, но печальных,

Нашли бы вы без наблюдений дальных

Презренье, гордость; хоть он не был горд,

Как глупый турок иль богатый лорд,

Но всё-таки себя в числе двуногих

Он почитал умнее очень многих.

31

Борьба рождает гордость. Воевать

С людскими предрассудками труднее,

Чем тигров и медведей поражать,

Иль со штыком на вражьей батарее

За белый крестик жизнью рисковать…

Клянусь, иметь великий надо гений,

Чтоб разом сбросить цепь предубеждений,

Как сбросил бы я платье, если б вдруг

Из севера всевышний сделал юг.

Но ныне нас противное пугает:

Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

32

Да кто же этот гость?.. Pardon, сейчас!..

Рассеянность… Monsieur, рекомендую:

Герой мой, друг мой – Сашка!.. Жаль для вас,

Что случай свел в минуту вас такую,

И в этом месте… Верьте, я не раз

Ему твердил, что эти посещенья

О нем дадут весьма дурное мненье.

Я говорил, – он слушал, он был весь

Вниманье… Глядь, а вечером уж здесь!..

И я нашел, что мне его исправить

Труднее в прозе, чем в стихах прославить.

33

Герой мой Сашка тихо развязал

Свой галстук… «Сашка» – старое названье!

Но «Сашка» тот печати не видал

И недозревший он угас в изгнанье.

Мой Сашка меж друзей своих не знал

Другого имя, – дурно ль, хорошо ли,

Разуверять друзей не в нашей воле.

Он галстук снял, рассеянно перстом

Провел по лбу, поморщился, потом

Спросил: «Где Тирза?» – «Дома». – «Что ж не видно

Ее?» – «Уснула». – «Как ей спать не стыдно!»

34

И он поспешно входит в тот покой,

Где часто с Тирзой пламенные ночи

Он проводил… Всё полно тишиной

И сумраком волшебным; прямо в очи

Недвижно смотрит месяц золотой

И на стекле в узоры ледяные

Кидает искры, блески огневые,

И голубым сиянием стена

Игриво и светло озарена.

И он (не месяц, но мой Сашка) слышит,

В углу на ложе кто-то слабо дышит.

35

Он руку протянул, – его рука

Попала в стену; протянул другую, —

Ощупал тихо кончик башмачка.

Схватил потом и ножку, но какую?!..

Так миньятюрна, так нежна, мягка

Казалась эта ножка, что невольно

Подумал он, не сделал ли ей больно.

Меж тем рука всё далее ползет,

Вот круглая коленочка… и вот,

Вот – для чего смеетесь вы заране? —

Вот очутилась на двойном кургане…

36

Блаженная минута!.. Закипел

Мой Александр, склонившись к деве спящей.

Он поцелуй на грудь напечатлел

И стан ее обвил рукой дрожащей.

В самозабвеньи пылком он не смел

Дохнуть… Он думал: «Тирза дорогая!

И жизнию и чувствами играя,

Как ты, я чужд общественных связей, —

Как ты, один с свободою моей,

Не знаю в людях ни врага, ни друга, —

Живу, чтоб жить как ты, моя подруга!

37

«Судьба вчера свела случайно нас,

Случайно завтра разведет навечно, —

Не всё ль равно, что год, что день, что час,

Лишь только б я провел его беспечно?..»

И не сводил он ярких черных глаз

С своей жидовки и не знал, казалось,

Что резвое созданье притворялось.

Меж тем почла за нужное она

Проснуться и была удивлена,

Как надлежало... (Страх и удивленье

Для женщин в важных случаях спасенье.)

38

И, прежде потерев глаза рукой,

Она спросила: «Кто вы?» – «Я, твой Саша!» —

«Неужто?.. Видишь, баловник какой!

Ступай, давно там ждет тебя Параша!..

Нет, надо разбудить меня… Постой,

Я отомщу». И за руку схватила

Его проворно и … и укусила,

Хоть это был скорее поцелуй.

Да, мерзкий критик, что ты ни толкуй,

А есть уста, которые украдкой

Кусать умеют сладко, очень сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,

То верно б свой престол украсил ею, —

У ног ее и царство, и закон,

И славу позабыл бы… Но не смею

Вас уверять, затем, что не рожден

Владыкой, и не знаю, в низкой доле,

Как люди ценят вещи на престоле;

Но знаю только то, что Сашка мой

За целый мир не отдал бы порой

Ее улыбку, щечки, брови, глазки,

Достойные любой восточной сказки.

40

«Откуда ты?» – «Не спрашивай, мой друг!

Я был на бале!» – «Бал! а что такое?» —

«Невежда! это – говор, шум и стук,

Толпа глупцов, веселье городское, —

Наружный блеск, обманчивый недуг;

Кружатся девы, чванятся нарядом,

Притворствуют и голосом и взглядом.

Кто ловит душу, кто пять тысяч душ…

Все так невинны, но я им не муж.

И как ни уважаю добродетель,

А здесь мне лучше, в том луна свидетель».

41

Каким-то новым чувством смущена,

Его слова еврейка поглощала.

Сначала показалась ей смешна

Жизнь городских красавиц, но… сначала.

Потом пришло ей в мысль, что и она

Могла б кружиться ловко пред толпою,

Терзать мужчин надменной красотою,

В высокие смотреться зеркала

И уязвлять, но не желая зла,

Соперниц гордой жалостью, и в свете

Блистать, и ездить четверней в карете.

42

Она прижалась к юноше. Листок

Так жмется к ветке, бурю ожидая.

Стучало сердце в ней, как молоток,

Уста полураскрытые, пылая,

Шептали что-то. С головы до ног

Она горела. Груди молодые

Как персики являлись наливные

Из-под сорочки… Сашкина рука

По ним бродила медленно, слегка…

Но… есть во мне к стыдливости вниманье —

И целый час я пропущу в молчанье.

43

Всё было тихо в доме. Облака

Нескромный месяц дымкою одели,

И только раздавались изредка

Сверчка ночного жалобные трели;

И мышь в тени родного уголка

Скреблась в обои старые прилежно.

Моя чета, раскинувшись небрежно,

Покоилась, не думая о том,

Что небеса грозили близким днем,

Что ночь… Вы на веку своем едва ли

Таких ночей десяток насчитали…

44

Но Тирза вдруг молчанье прервала

И молвила: «Послушай, прочь все шутки!

Какая мысль мне странная пришла:

Что если б ты, откинув предрассудки

(Она его тут крепко обняла),

Что если б ты, мой милый, мой бесценный,

Хотел меня утешить совершенно,

То завтра, или даже в день иной

Меня в театр повез бы ты с собой.

Известно мне, всё для тебя возможно,

А отказать в безделице безбожно».

45

«Пожалуй!» – отвечал ей Саша. Он

Из слов ее расслушал половину, —

Его клонил к подушке сладкий сон,

Как птица клонит слабую тростину.

Блажен, кто может спать! Я был рожден

С бессонницей. В теченье долгой ночи

Бывало беспокойно бродят очи,

И жжет подушка влажное чело.

Душа грустит о том, что уж прошло,

Блуждая в мире вымысла без пищи,

Как лазарони или русский нищий…

46

И жадный червь ее грызет, грызет, —

Я думаю, тот самый, что когда-то

Терзал Саула; но порой и тот

Имел отраду: арфы звук крылатый,

Как ангела таинственный полет,

В нем воскрешал и слезы и надежды;

И опускались пламенные вежды,

С гармонией сливалася мечта,

И злобный дух бежал, как от креста.

Но этих звуков нет уж в поднебесной, —

Они исчезли с арфою чудесной…

47

И всё исчезнет. Верить я готов,

Что наш безлучный мир – лишь прах могильный

Другого, – горсть земли, в борьбе веков

Случайно уцелевшая и сильно

Заброшенная в вечный круг миров.

Светилы ей двоюродные братья,

Хоть носят шлейфы огненного платья,

И по сродству имеют в добрый час

Влиянье благотворное на нас…

А дай сойтись, так заварится каша, —

В кулачки, и… прощай планета наша.

48

И пусть они блестят до той поры,

Как ангелов вечерние лампады.

Придет конец воздушной их игры,

Печальная разгадка сей шарады…

Любил я с колокольни иль с горы,

Когда земля молчит и небо чисто,

Теряться взором в их цепи огнистой, —

И мнится, что меж ними и землей

Есть путь, давно измеренный душой, —

И мнится, будто на главу поэта

Стремятся вместе все лучи их света.

49

Итак, герой наш спит, приятный сон,

Покойна ночь, а вы, читатель милый,

Пожалуйте, – иначе принужден

Я буду удержать вас силой …

Роман, вперед!.. Не ?дет? – Ну, так он

Пойдет назад. Герой наш спит покуда,

Хочу я рассказать, кто он, откуда,

Кто мать его была, и кто отец,

Как он на свет родился, наконец,

Как он попал в позорную обитель,

Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец – симбирский дворянин,

Иван Ильич NN-ов, муж дородный,

Богатого отца любимый сын.

Был сам богат; имел он ум природный

И, что ума полезней, важный чин;

С четырнадцати лет служил и с миром

Уволен был в отставку бригадиром;

А бригадир блаженных тех времен

Был человек, и следственно умен.

Иван Ильич наш слыл по крайней мере

Любезником в своей симбирской сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,

В делах судебных почерпнул познанья.

Спал очень долго, ел за четверых;

Ни на кого не обращал вниманья

И не носил приличия вериг.

Однако же пред знатью горделивой

Умел он гнуться скромно и учтиво.

Но в этот век учтивости закон

Для исполненья требовал поклон;

А кланяться закону иль вельможе

Считалося тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам

Почтительность вознаграждал улыбкой

И, ревностный хотя угодник дам,

Женился, по словам его, ошибкой.

В чем он ошибся, не могу я вам

Открыть, а знаю только (не соврать бы),

Что был он грустен на другой день свадьбы,

И что печаль его была одна

Из тех, какими жизнь мужей полна.

По мне они большие эгоисты, —

Всё жен винят, как будто сами чисты.

53

Благодари меня, о женский пол!

Я – Демосфен твой: за твою свободу

Я рад шуметь; я непомерно зол

На всю, на всю рогатую породу!

Кто власть им дал?.. Восстаньте, – час пришел![1 - Во всех известных списках за этим стихом следуют строки:Я поднимаю знамя возмущенья.Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!Эти два стиха выводятся из основного текста как вариант стихов 578–579. Одиннадцатистрочная строфа у Лермонтова не может содержать 13 строк. Из четырех смежных стихов с женскими рифмами два включены в строфу ошибочно. Оставляем в тексте наиболее вероятную из двух параллельных пар стихов.]

Конец всему есть! Беззаботно, явно

Идите вслед за Марьей Николавной!

Понять меня, я знаю, вам легко,

Ведь в ваших жилах – кровь, не молоко,

И вы краснеть умеете уж кстати

От взоров и намеков нашей братьи.

54

Иван Ильич стерег жену свою

По старому обычаю. Без лести

Сказать, он вел себя, как я люблю,

По правилам тогдашней старой чести.

Проказница ж жена (не утаю)

Читать любила жалкие романы

Или смотреть на светлый шар Дианы,

В беседке темной сидя до утра.

А месяц и романы до добра

Не доведут, – от них мечты родятся…

А искушенью только бы добраться!

55

Она была прелакомый кусок

И многих дум и взоров стала целью.

Как быть: пчела садится на цветок,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Во всех известных списках за этим стихом следуют строки:

Я поднимаю знамя возмущенья.

Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!

Эти два стиха выводятся из основного текста как вариант стихов 578–579. Одиннадцатистрочная строфа у Лермонтова не может содержать 13 строк. Из четырех смежных стихов с женскими рифмами два включены в строфу ошибочно. Оставляем в тексте наиболее вероятную из двух параллельных пар стихов.

Купить: https://tellnovel.com/mihail-lermontov/sashka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити